

ТЕНИ ПОЛНОЛУНИЯ

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

Сергей Патрушев
Тени полнолуния

«Автор»

2026

Патрушев С.

Тени полнолуния / С. Патрушев — «Автор», 2026

Женя Воронова — маг тьмы и циничный частный детектив, привыкшая к изменам и грязи высшего света. Но новый контракт с леди Изабеллой ди Фальконе втягивает её в тайный мужской клуб «Пьяная селёдка». Вместо борделя Женя находит «хоспис» для сломанных героев: капитана гвардии, судью и казначея, которые лечат нервы элем и картами. Когда жены решают закрыть клуб, Женя не сдаёт клиентов. Она шантажирует их, создаёт фиктивный благотворительный фонд и превращает грязный кабак в самое защищенное место в Столице. Теперь она не просто детектив, а серый кардинал, держащий власть имущих за горло.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Рыжая тень в ночи	5
Глава 2. Полнолуние раскрывает карты	12
Глава 3. Заказ леди Изабеллы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Патрушев

Тени полнолуния

Глава 1. Рыжая тень в ночи

Ночь в Столице пахла гарью, мокрым камнем и дешевым табаком. Для обычного обывателя это был запах тревоги, заставляющий плотнее запереть ставни. Для Жени это был запах работы.

Она стояла на коньке крыши Оперного театра, сливаясь с чернильной темнотой. Ее плащ, сотканный из самой сути первозданной тьмы, не просто поглощал свет — он пожирал его, делая Женю похожей на дыру в пространстве, на прореху в реальности. Только рыжая прядь волос, выбившаяся из-под капюшона, горела в свете далекого газового фонаря, как маяк для тех, кто умел смотреть. Но смотреть было некому. Городская стража патрулировала нижние ярусы, аристократы спали за зачарованными стенами своих особняков, а воры и убийцы предпочитали темные переулки. Крыши были ее владениями.

Заказ был до смешного банален. Баронесса фон Клейст, женщина с лицом, похожим на сморщенное яблоко, и кошельком, набитым золотом мужа, рыдала в приемной Жени два часа кряду. Ее благоверный, барон, третий сын захудалого рода, проматывающий состояние жены на скачках и винах, перестал ночевать дома. Баронесса была уверена, что он нашел себе молодую содержанку.

Женя не любила такие заказы. Слежка за неверными мужьями — это удел вчерашних городских, потерявших жетон, а не лицензированного мага тьмы четвертой ступени. Но аренда конторы на Серебряной улице стоила дорого, а последние три месяца выдались на удивление пустыми. Никаких проклятых артефактов, никаких взбунтовавшихся элементалей. Только скучные, потные от страха лица неверных супругов.

Барон оказался предсказуем. Он вышел из своего особняка в районе Золотых Колонн ровно в одиннадцать вечера, накинув на плечи простой, но дорогой суконный плащ. Он не оглядывался, не крался. Аристократ, идущий к своей гибели с гордо поднятой головой. Женя скользнула за ним по крышам.

Ее магия работала безупречно. Она не шла по черепице — она была самой тьмой, перетекающей от одной тени к другой. Камни под ее ногами не скрипели. Водосточные трубы не звенели. Если бы кто-то внизу поднял голову, он бы увидел лишь мгновение стусившегося мрака, которое тут же рассеялось бы, списанное на усталость и лишнюю кружку эля.

Путь барона лежал в Нижний город. Мимо величественных шпилей Университета, мимо строгих казарм Легиона, все ниже и ниже по серпантину улиц, пока мрамор и гранит не сменились гнилым деревом и неоштукатуренным кирпичом. Запахи стали гуще. К гари и камню добавились ароматы жареной требухи, нечистот и приторной сладости опиума.

Женя знала этот маршрут наизусть. Девяносто процентов ее «объектов» заканчивали здесь, в квартале Красных Фонарей. Обычно они сворачивали на улицу Медных Колоколов, где в доме мадам Розалин их ждали девушки, не обремененные моралью, но обремененные дорогими шелками.

Но барон фон Клейст удивил ее.

Он прошел мимо Медных Колоколов, даже не замедлив шага. Мимо прошел и улицу Ароматных Садов, где располагались заведения для тех, кто предпочитал экзотику. Он миновал даже знаменитые «Сады Семирамиды» — самый дорогой и закрытый бордель Столицы, куда пускали только по рекомендациям и где час стоил больше, чем годовое жалованье сержанта стражи.

Женя нахмурилась под капюшоном. Аристократ, который идет в трущобы, минуя элитные заведения, — это либо мазохист, либо идиот, либо человек, которому есть что скрывать гораздо серьезнее, чем связь с певичкой. Ревнивая баронесса в ее мыслях стремительно теряла статус главной причины этой ночной прогулки.

Барон остановился на перекрестке, где сходились три узких, зловонных переулочка. Он воровато оглянулся. Женя в ту же секунду распласталась по скату крыши старой красильни, превратившись в плоский, бесформенный сгусток тени. Барон посмотрел прямо на нее, прищурился, но увидел лишь густую, маслянистую темноту, обычную для неосвещенного угла. Он сплюнул на мостовую и свернул в самый узкий из проходов — Щучий лаз.

Щучий лаз выводил к портовым складам, но барон, пройдя половину пути, вдруг нырнул в неприметную арку, над которой болталась на ржавом крюке вывеска. Днем она, должно быть, изображала рыбу с кружкой, но сейчас, в темноте, это была просто перекошенная тень.

Женя перемахнула через улицу одним беззвучным прыжком, оттолкнувшись от карниза, и приземлилась на козырек над аркой. Она заглянула вниз.

Трактир назывался «Пьяная селедка». И это было самое приличное, что в нем было.

Заведение занимало сырой подвал. Окна, если они когда-то и были, давно заложили кирпичом, оставив лишь узкие вентиляционные щели под самым потолком, через которые наружу сочился тусклый желтый свет и густой чад. Изнутри доносился гул, который нельзя было назвать ни пением, ни пьяными криками. Это был ровный, утробный шум сотен слившихся воедино голосов, звона дешевой посуды и хруста разгрызаемых костей.

Женя принялась, обострив чувства магией. Запах дешевого кислого пива перебивался крепким духом немытых тел, дегтя, рыбы и чего-то еще — тяжелого, металлического, похожего на запах свежей крови, смешанной с болотной тиной. Здесь не было фимиама, не было дорогих духов, не было даже иллюзии уюта. Это была берлога.

И в эту берлогу, пригнув голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, вошел барон фон Клейст.

Он спустился по трем скользким ступенькам. Дверь за ним закрылась, отрезав уличный шум. Женя осталась одна на козырьке.

Она могла уйти. Контракт гласил: «Установить место пребывания объекта с двадцати трех ноль-ноль до полуночи». Она его установила. Можно было возвращаться в контору, писать сухой отчет для баронессы, прикладывать к нему магически зафиксированный маршрут и требовать свои пятьдесят золотых.

Но Женя не была бы частным детективом, если бы умела вовремя останавливаться. И она определенно не была бы магом тьмы, если бы запах тайны, исходящий из подвала «Пьяной селедки», не щекотал ей нервы.

Она спрыгнула с козырька. Приземление на влажную брусчатку Щучьего лаза прошло в абсолютной тишине. Женя подошла к двери.

Прикоснувшись к шершавому, изъеденному древоточцем дереву, она направила в пальцы тонкую нить темной энергии. Магия тьмы — это не только тени и страх. Это еще и отсутствие. Отсутствие звука, отсутствие веса, отсутствие внимания. Женя «выдохнула» из пространства вокруг двери саму возможность того, что ее кто-то заметит. Для любого, кто сейчас смотрел бы на вход, дверь просто осталась бы частью стены.

Она толкнула створку. Та открылась с легким, едва уловимым скрипом, который тут же утонул в гуле трактира.

Внизу ударило по обонянию с новой силой. Внизу было жарко и тесно. Низкий потолок подпирали массивные дубовые балки, с которых свисали чадающие масляные лампы. Света они давали ровно столько, чтобы люди не перерезали друг другу глотки, споткнувшись о лавки.

За грубо сколоченными столами сидели те, кого Женя привыкла видеть в кандалах или в списках разыскиваемых преступников. Портовые грузчики с руками размером с окорока,

заросшие бородами до самых глаз. Рыбаки с сетями, пропахшие йодом и смертью. Несколько личностей в темных плащах, по повадкам которых было ясно — это не скучающие аристократы, играющие в разбойников, а настоящие душегубы, пришедшие сбыть краденое или заказать чье-то убийство.

Женя осталась стоять у подножия лестницы, вжавшись в угол. Ее плащ-тьма делал ее невидимой, но толпа внизу была слишком плотной. Одно неосторожное движение, заденет кого-нибудь плечом — и иллюзия рассеется. А маг четвертой ступени в тесном подвале против полусотни вооруженных головорезов — это, конечно, победа, но очень шумная, грязная и плохо оплачиваемая.

Она нашла барона. Он сидел за столом в самом дальнем углу, под единственной относительно чистой лампой. И он был здесь не один.

Напротив него, откинувшись на спинку лавки так, что та жалобно скрипнула, сидел человек, которого Женя знала.

Его звали Гнилая Сажа. Бывший пиромант, спаливший половину собственного квартала в пьяной драке, лишенный лицензии и дара к созидательному огню, но оставшийся одним из самых опасных подрывников и информаторов в Нижнем городе. Его лицо напоминало плохо пропеченный хлеб — все в рытвинах от ожогов, один глаз затянут белесой пленкой, а волосы росли клочками.

Аристократ и поджигатель-террорист. Женя плотнее вжалась в угол. Это пахло уже не просто изменой жене. Это пахло государственной изменой.

Она активировала второе зрение. Мир вокруг на мгновение поплыл, краски выцвели, звуки приглушились, а затем вернулись, но уже в ином спектре. Теперь она видела не только людей. Она видела потоки магии.

Барон фон Клейст не просто сидел. Он был окутан сложной, многослойной сетью заклинаний. Женя видела стандартный защитный купол — слабенький, бытовой, от карманников. Но под ним, пульсируя глухим, тяжелым багровым светом, скрывалось нечто другое. Это была ментальная защита. Кто-то очень серьезно поработал над разумом барона, закрыв его от чтения мыслей, от эмпатии и от подчинения. А еще глубже, в самой ауре, Женя разглядела тонкую, почти невидимую нить, уходящую куда-то за пределы трактира, сквозь камень, сквозь землю — далеко на север. Метка. Маяк. Барон не просто пришел сюда по своей воле. Его вели.

Гнилая Сажа магии почти не излучал. Его аура была тусклой, серой, как пепел. Но его руки... Женя перевела взгляд ниже. Под столом, на коленях пироманта, лежал предмет, завернутый в промасленную мешковину. От него не исходило свечения, которое можно было бы увидеть обычным глазом, но магическое зрение Жени взвыло от тревоги. Предмет фонит. Он фонит так, что у нее заныли зубы. Древняя, спрессованная, агрессивная магия. Артефакт класса «Омега», не меньше. И он был активен.

Барон что-то говорил. Женя не могла разобрать слов из-за гула, но видела, как двигаются его губы. Быстро, нервно. Сажа слушал, лениво ковыряя щепкой в гнилых зубах. Внезапно пиромант перестал ковыряться. Его единственный здоровый глаз впился в лицо барона. Он медленно, очень медленно поднял руку и положил ее на стол.

Гул в трактире как будто стал тише. Не магически — просто люди вокруг инстинктивно почувствовали напряжение. Ближайший к ним грузчик, огромный детина с татуировкой якоря на лбу, перестал чавкать и незаметно придвинул к себе дубинку.

Сажа что-то ответил. Барон кивнул и полез за пазуху. Он достал не кошелек. Он достал тяжелый кожаный тубус с сургучными печатями. Печати были свежими. Женя узнала отпечаток — личная печать Канцелярии Тайных Дел. Той самой организации, которая занимается шпионами, государственными переворотами и устранением магов, сошедших с ума.

Барон передал тубус Саже. Тот, не открывая, сунул его в свою сумку, валяющуюся на полу. Затем он кивнул в сторону лестницы.

Женя поняла, что пора уходить. Сейчас они встанут и поднимутся вверх. В тесноте подвала ее невидимость может дать сбой. Если Сажа, с его звериным чутьем на опасность, ее учует — ей конец. Пиромант, даже лишенный дара, знает о пламени и взрывах все. А барон фон Клейст, судя по метке на ауре, приведет за собой хвост, от которого не отобьешься даже тьмой.

Она начала медленно, миллиметр за миллиметром, отступать к лестнице, в самую густую тень.

И в этот момент барон фон Клейст поднял голову.

Он смотрел прямо на нее.

Женя застыла. Ее сердце, обычно бившееся ровно и спокойно, пропустило удар. Он не мог ее видеть. Ее плащ был совершенен. Ее магия была безупречна. Она была пустотой.

Но барон смотрел. Его глаза, до этого бегающие и испуганные, вдруг стали абсолютно ясными, холодными и пустыми. Как два осколка льда. Он перестал быть аристократом, боящимся гнева жены. Он перестал быть марионеткой с ментальной меткой.

Его губы дрогнули, складывая слова. В оглушающем шуме трактира, где никто не мог услышать ничего дальше собственного носа, Женя отчетливо, словно он шептал ей на ухо, разобрала: — Рыжая.

По спине Жени пробежал ледяной холод. Откуда он знает про волосы? Капюшон плотно закрывал ее голову. Ни один луч света не падал на ее лицо.

Барон медленно, не отрывая от нее ледяного взгляда, улыбнулся. Это была страшная, неживая улыбка.

В ту же секунду Гнилая Сажа резко, со скрежетом отодвинул лавку и встал.

— Время, — хрипло каркнул он, обращаясь к барону, но глядя при этом поверх его плеча, в темноту угла, где стояла Женя.

Это стало сигналом.

Трактир взорвался движением. Но это не было паникой. Это была отточенная, смертоносная механика.

Грузчик с якорем на лбу одним движением смахнул со стола кружку прямо под ноги поднимавшемуся соседу. Сосед упал. Грузчик перепрыгнул через него, и его дубинка с влажным хрустом опустилась на голову человека в темном плаще, который сидел через стол. Человек даже не успел вскрикнуть — его череп раскололся, как гнилая дыня.

Справа, у стойки, двое рыбаков накинули сеть на еще одного «плаща». Сеть была заговорена — тот задергался, как муха в патоке, беззвучно разевая рот.

Это была не драка. Это была зачистка. «Пьяная селедка» оказалась ловушкой, и барон был наживкой.

Женя поняла, что если она сейчас рванет к лестнице, ее снесет волной этого внезапного, кровавого порядка. Она вжалась в камень, сливаясь с тенью настолько, насколько это вообще возможно для живого человека. Она перестала дышать.

Барон фон Клейст тоже встал. Он больше не сутулился. Он расправил плечи, и дешевый трактирный плащ вдруг стал выглядеть на нем как генеральская мантия. Он шагнул к выходу, но пошел не к лестнице. Он пошел к стене, у которой стоял стол Сажи.

Гнилая Сажа уже развернул мешковину.

В тусклом свете лампы блеснуло черное, как вакуум, стекло. Сфера размером с кулак. Внутри нее металась, пытаясь пробить стенки, сгусток абсолютного мрака, похожий на миниатюрную черную дыру. От сферы шла такая волна холода, что масло в ближайшей лампе покрылось инеем.

Барон протянул руку и коснулся сферы.

Женя ожидала чего угодно. Вспышки, взрыва, крика.

Ничего не произошло.

Барон просто стоял, касаясь черного стекла. А сфера... она начала меняться. Черный вакуум внутри нее вдруг обрел структуру. Он вытянулся, закручиваясь в спираль, и на его поверхности проступили тонкие, светящиеся золотом линии. Древние руны, которые Женя видела лишь однажды, в закрытых архивах Университета, в разделе «Запрещенная теургия».

Барон открыл рот. Он не издал ни звука, но Женя, обладавшая чувствительностью к темной магии, почувствовала, как воздух в трактире уплотнился. Барон пел. На языке, которого не существовало уже тысячи лет. На языке, от которого сходили с ума.

Черная сфера в руках Сажи начала пульсировать в такт этому беззвучному пению. Золотые руны налились светом, а затем погасли. Вместе с ними погасли все масляные лампы в трактире.

Наступила абсолютная, первозданная темнота.

В этой темноте Женя чувствовала себя как дома. Это была ее стихия. Но даже ей стало не по себе. Тьма, принесенная сферой, была мертвой. В ней не было жизни, не было теней, не было оттенков. Это была пустота, стремящаяся поглотить все.

Женя услышала звук. Тихий, влажный звук рвущейся ткани.

А затем — крик.

Это кричал барон фон Клейст. Но кричало не его горло. Кричала его плоть.

В абсолютной темноте, на которую магическое зрение Жени не реагировало — там просто не от чего было отражаться свету — она видела это своим внутренним, самым глубинным зрением. Тьма из сферы перетекала в руку барона. Она не пожирала его. Она *вплеталась* в него. Черные нити, тонкие, как паутина, но крепкие, как стальные тросы, оплетали его тело. Они входили в глаза, разрывая сосуды, в уши, в ноздри.

Крик барона захлебнулся. Его тело выгнулось дугой, хрустя позвоночником. Одежда на нем начала плеть и распадаться, осыпаясь серым пеплом.

Гнилая Сажа спокойно, без тени страха на изуродованном лице, сделал шаг назад. Он держал сферу, которая теперь казалась пустой. Работа была сделана.

Тело барона фон Клейста рухнуло на грязный пол трактира. Оно больше не было человеческим. Это была черная, узловатая статуя, сплетенная из теней и запекшейся крови.

И в этот момент лампы вспыхнули снова. Свет резанул по глазам. Трактир замер. Грузчики, убийцы, рыбаки — все смотрели на то место, где только что стоял их заказчик. На черную фигуру, от которой все еще шел могильный холод.

Гнилая Сажа обвел тяжелым взглядом замерший зал.

— Расчет окончен, — громко, перекрывая наступившую тишину, сказал он. — Кто останется в зале через минуту, станет частью декора.

Он не блефовал. Люди знали, кто такой Сажа. Лавки закрипели. Грузчики, рыбаки и мелкие бандиты, только что участвовавшие в резне, теперь в панике, давя друг друга, бросились к лестнице. Они сносили столы, роняли кружки, топтали трупы. Спустя сорок секунд подвал опустел. Остались только Сажа, черная статуя и Женя, все еще вжавшаяся в свой угол.

Пиромант подошел к телу. Он пнул черную стопу носком сапога. Никакой реакции. Сажа хмыкнул, достал из сумки тубус с печатью Канцелярии, взвесил его в руке и довольно оскалится.

— Хорошая ночь, — пробормотал он себе под нос. — И артефакт при деле, и от лишнего свидетеля избавились.

Он посмотрел прямо в тот угол, где стояла Женя. Его бельмо на глазу казалось сейчас белой дырой в черепе.

— Выходи, рыжая, — сказал Сажа. Голос у него был хриплый, но спокойный. — Я знаю, что ты там. Трактир пуст. Мои ребята на улице отсекали хвост, который привел этот идиот. Мы одни. А я очень не люблю, когда за мной подглядывают во время работы. Это вредит репутации.

Женя поняла, что прятаться дальше бессмысленно. Сажа был слишком опытен. Он не видел ее глазами, он чуял ее, как зверь чует запах страха, или как маг чует возмущение эфира. Она сбросила концентрацию.

Тьма плаща сгустилась в последний раз и рассеялась, словно утренний туман. Женя шагнула из угла на свет.

Она не стала убирать руки от рукояти кинжала на поясе, но и не стала плести заклинания. Против Гнилой Сажи в замкнутом пространстве ее темные плети будут так же эффективны, как хлопушка против дракона. Сажа — это стихийное бедствие. Если он решит взорвать трактир, они оба превратятся в пепел.

— Какая честь, — протянул Сажа, разглядывая ее. — Сама Евгения Воронова. Маг тьмы. Частный сыщик. Я думал, ты умнее. Какого демона тебя понесло за бароном? Жена наняла? Так она сейчас спит в своей постели и видит сны о том, как муженек дарит ей бриллианты, пока ты тут дышишь портовой гнилью.

Женя молча смотрела на него.

— Ты работаешь на того, кто прислал сферу? — спросила она. Ее голос прозвучал ровно, хотя внутри все скрутило от холода, исходящего от черной статуи.

Сажа рассмеялся. Смех был похож на скрежет камней. — Я работаю на того, кто платит, девочка. Сегодня платили за то, чтобы барон донес игрушку до «Селедки» и спел ей колыбельную. Я донес. Он спел. Все счастливы. Кроме барона, но он свое отгулял.

— Что это было? — Женя кивнула на черную фигуру. — А это, госпожа Воронова, уже не твоего ума дело, — ухмыльнулся Сажа. — Скажем так: у старых богов закончилось терпение. Или началось новое расписание.

Он сделал шаг к ней.

— А теперь иди домой, Женя. Пиши свой отчет для баронессы. Напиши, что муж нашел утешение в объятиях Кракена. Тело мы заберем, улики подотрем. Живи долго и не задавай вопросов. Потому что те, кто задает вопросы о делах, в которых фигурируют такие сферы, обычно очень быстро становятся клиентками гробовщиков. А ты, при всем твоим таланте, слишком красивая для могилы.

Он угрожал. Но в его угрозе не было страсти. Это была констатация факта, как прогноз погоды.

Женя медленно кивнула. Она поняла, что сегодня выиграла самое важное — право уйти.

— Сажа, — сказала она, прежде чем развернуться к лестнице. — Твой глаз. Тот, что белый. Ты ведь видишь им не свет.

Пиромант замер. Его ухмылка на мгновение дрогнула. — Я вижу им правду, — тихо ответил он. — Иди. Пока я не передумал.

Женя начала подниматься по скользким ступенькам. Ноги были ватными. Сердце кололось где-то в горле. Она спиной чувствовала взгляд Сажи и ледяное дыхание мертвой тьмы, оставшейся внизу.

Она выбралась на улицу. Прохладный ночной воздух ударил в лицо, отрезвляя. Дождь закончился, оставив после себя лишь лужи, в которых отражались редкие звезды. Улица была пуста. Люди Сажи действительно сработали чисто — ни тел, ни следов борьбы. Только «Пьяная селедка» за спиной тяжело дышала в подвал смертью.

Женя прошла два квартала, прежде чем ее начало трясти. Она зашла в глухой двор-колодец, прислонилась к мокрой кирпичной стене и сползла на землю.

Она достала из внутреннего кармана плаща плоскую серебряную фляжку. Отхлебнула обжигающего, пряного самогона. Аристократ. Канцелярия Тайных Дел. Гнилая Сажа. Древняя теургия. И она, Женя, рыжей тенью скользящая по крышам ради того, чтобы поймать очередного идиота на горячем. Барон фон Клейст назвал ее по цвету волос. В абсолютной темноте.

Это означало только одно. Ментальная защита, нити-маяки, сфера — все это было частью чего-то гораздо большего. Барон не был марионеткой. Он был дверью. А она, Женя, только что заглянула в замочную скважину этой двери и увидела там такую бездну, по сравнению с которой все ее предыдущие дела, весь этот город, вся эта война магов и политиков казались детской игрой в песочнице.

Она убрала фляжку. Поднялась, отряхивая плащ. Рыжая прядь снова упала на лицо. Женя знала, что не пойдет писать отчет для баронессы. И не пойдет спать. Она пойдет в свою контору. И начнет копать.

Потому что тьма, которую она увидела в «Пьяной селедке», была чужой. И эта тьма только что проснулась. А когда просыпается такая тьма, работы хватит на всех. И Женя Воронова, маг тьмы и частный детектив, собиралась быть первой в очереди.

Глава 2. Полнолуние раскрывает карты

Серебро всегда было врагом ее ремесла. Лунный свет, падающий сквозь высокое окно конторы на Серебряной улице, не просто освещал комнату — он препарировал ее. Каждая пылинка в луче, каждая трещина на рассохшемся паркете, каждая капля засохшего вина на пустом стакане отбрасывала резкую, черную, как вакуум, тень. Для обычного человека это была просто бессонная ночь. Для Жени Вороновой это было стихийное бедствие.

Полнолуние. Пик цикла, когда завеса между миром живых и Изнанкой истончалась до состояния паутины. Для светлых магов это время молитв и очищения. Для некромантов — время поднятия легионов. Для Жени, мага первородной тьмы, это было время абсолютной, звенящей уязвимости и одновременно — запредельной мощи.

Ее дар не подчинялся фазам луны так, как подчинялись дары других. Тьма не зависит от солнца или луны, она сама по себе. Но луна работала как гигантская линза, фокусирующая потоки эфира. И сегодня ночью эта линза была направлена прямо в ее воспаленный мозг.

Кожа под одеждой зудела. Клыки во рту казались слишком длинными, десны пульсировали. Женя сидела за своим столом, вцепившись побелевшими пальцами в край дубовой столешницы, чтобы не начать крушить мебель. Каждую ночь полнолуния она проходила через один и тот же ритуал: запирала контору на три засова, зачаровывала замки от проникновения, выпивала полбутылки крепчайшего бренди и ждала, пока волна схлынет.

Но сегодня бренди не помог.

Ее восприятие начало сбоить около полуночи. Сначала пропали цвета. Комната стала черно-белой, как старая гравюра. Затем исчезли звуки. Тиканье часов на стене, шум редких экипажей за окном, вой ветра в дымоходе — все это отрезало невидимой стеной. Остался только гул. Низкий, вибрирующий гул, похожий на стон натянутой струны контрабаса, который, казалось, исходил из-под земли.

Женя закрыла глаза, пытаясь унять дрожь. И открыла их уже не в своей конторе. Она стояла на перекрестке. Внизу. Ее физическое тело сидело в кресле, но ее сознание, ее астральная проекция, вырвалось на свободу. Магия полнолуния сняла с ее дара все ограничители. Она посмотрела на свои руки. Сквозь них были видны щели в половицах. Она была бесплотнее тумана, но при этом плотнее реальности.

— Поиск, — прошептала она, и слово сорвалось с губ облачком черного пара.

Дар поиска у темных магов — вещь специфическая. Они не ищут «где». Они ищут «отсутствие». Тьма всегда там, где нет света, нет тепла, нет жизни. Чтобы найти человека, нужно сначала представить его пустоту, а затем нащупать, где эта пустота нарушена биением живого сердца.

Женя представила барона фон Клейста.

Вместо образа живого человека перед ее внутренним взором встала та самая черная статуя из «Пьяной селедки». Угловатая, неправильная, источающая могильный холод. Женя потянулась к этому образу нитью своего внимания.

И чуть не оглохла.

Барон фон Клейст был мертв. Его физическое тело, превращенное в обсидиановый памятник, лежало где-то в подвалах Тайной Канцелярии или на дне залива. Но его эфирный след... Он не рассеялся. Он пульсировал. Ровно, ритмично, как огромное черное сердце. И этот пульс бил из одной и той же точки в Нижнем городе.

Женя сместила фокус. Она представила Гнилую Сажу. Его изуродованное лицо, бельмо, запах пепла. Пульс. Тот же самый ритм. Та же точка. Она представила баронессу фон Клейст, спящую в своей мягкой постели в районе Золотых Колонн. Тишина. Обычная, теплая, размытая аура спящего человека. Женя нахмурилась. Она проверила еще троих. Купец второй гиль-

дии, который, по словам жены, «задерживался на складах». Судья апелляционного суда, якобы работающий над приговорами до утра. Торговый атташе из посольства Островной Республики.

Все трое — разные слои общества, разные районы, разные привычки. Но их эфирные следы, их «пустоты», сейчас находились в одной географической точке.

В трактире «Пьяная селедка». Женя открыла физические глаза. Гул в ушах мгновенно стих, ворвавшись обратно звуками ночной Столицы. Цвета вернулись, но казались теперь слишком яркими, почти ядовитыми. Дрожь в руках прошла, сменившись ледяным, кристальным спокойствием. Полнолуние больше не терзало ее — оно стало ее инструментом.

Она посмотрела на карту Столицы, пришпиленную к стене. Дешевая бумага, размазанная типографская краска. Женя вытянула руку. На кончике ее указательного пальца зажегся крошечный, не отбрасывающий тени огонек. Она коснулась карты. Бумага не загорелась. Вместо этого на ней проступили три черные кляксы. Они медленно пульсировали в унисон, просачиваясь сквозь слой типографской краски. Купец, судья и атташе. Все в «Селедке».

Это не могло быть совпадением. Женя подошла к высокому шкафу в углу конторы. Отодвинула в сторону стопки старых дел, пыльные grossбухи и коробку с заспиртованными уликами. За фальш-панелью скрывался ее настоящий арсенал. Она не стала брать тяжелый армейский арбалет или меч. Против того, что превратило барона в статую, сталь бесполезна. Она достала то, что составляло суть ее дара.

Первое: пара кастетов из вороненой стали, покрытых рунами стазиса. Они не наносили физического урона, но при ударе замораживали магический поток в теле жертвы, превращая ее на несколько секунд в идеальную мишень. Второе: тонкий стилет из метеоритного железа. Он не убивал плоть, он убивал магию. Резал эфирные нити, как нож режет шелк. Третье: три стеклянные ампулы с густой черной жидкостью. «Слеза Бездны». Концентрат ее собственной магии. При разбивании создавал зону абсолютной темноты, в которой гасли даже магические светильники, а люди начинали сходить с ума от первобытного ужаса.

Она закрепила кастеты на пальцах. Стилет ушел в специальные ножны на предплечье, скрытые рукавом плаща. Ампулы — во внутренний карман. Полнолуние давало ей еще одно преимущество. Ее ночное зрение сейчас работало иначе. Она могла смотреть не сквозь темноту, а сквозь материю. Стены для нее стали полупрозрачными, как мутное стекло.

Женя вышла из конторы, не запирая дверь. Замок щелкнул сам, повинаясь легкому импульсу тьмы.

Ночной город лежал перед ней, расчерченный линиями силы. Она стояла на крыше своей конторы и видела Столицу как кровеносную систему. Золотые нити — богатые кварталы, пульсирующие жадностью и похотью. Грязно-бурые — трущобы, сочащиеся страхом и отчаянием. И над всем этим, связывая воедино, текли темные реки — линии древних канализационных коллекторов и старых капищ.

Трактир «Пьяная селедка» был черным провалом. Узлом, в который сейчас стягивались все нити.

Она побежала по крышам. Плащ-тьма, усиленный луной, делал ее движения смазанными. Она не перепрыгивала через пропасти улиц — она перетекала, как капля смолы. Спустившись в Нижний город, она перешла на шаг. Здесь ее магия была естественной средой обитания. Она подошла к знакомой арке. Вывеска «Пьяной селедки» все так же поскрипывала на ветру.

Женя не стала спускаться по лестнице. Она приложила ладонь к сырой, покрытой слизью кирпичной кладке стены трактира.

— *Per tenebras, per parietes*, — выдохнула она формулу прохода.

Кирпич под ее рукой дрогнул, пошел рябью, как вода, и пропустил ее внутрь. Она прошла сквозь стену, не подняв ни пылинки.

Внутри ничего не изменилось. Тот же спертый воздух, тот же запах кислятины и рыбы. Тот же стол в углу, где Сажа забрал сферу. Но сегодня Женя видела сквозь столешницу. За

столом сидели люди. Те самые «неверные» мужья, чьи дела пылились у нее в архиве. Купец, судья, атташе. И еще с десяток других. Профессор алхимии, пропавший неделю назад. Главный казначей Восточного банка. Личный секретарь министра обороны.

Они не пили. Не играли в кости. Они сидели абсолютно неподвижно, сложив руки перед собой. Их глаза были открыты, но зрачки закатились так, что видны были только белки. С их подбородков на грязные доски капала слюна.

Они были здесь физически, но их сознания... их сознания отсутствовали. Женя посмотрела на них истинным зрением. Ауры этих людей были пусты. Внутри живых, теплых тел сидели лишь черные, пульсирующие сгустки, идентичные тому, что осталось от барона фон Клейста.

Это была не одержимость. Одержимость — это когда демон вытесняет душу, оставляя шрамы. Здесь же души просто... изъяли. Аккуратно, хирургически точно, заменив их на ретрансляторы.

Женя перевела взгляд дальше, сквозь стену, в соседний зал, который днем служил складом для бочек. Там стоял алтарь.

Грубо сколоченный стол, на котором лежал человек. Женя узнала его не по лицу — лицо было скрыто мешковиной — а по остаточной ауре. Это был барон фон Клейст, до трансформации. Его тело было обмякшим, бледным, но живым. А рядом с ним, прямо на грязных досках пола, лежала та самая сфера. Сейчас она была тусклой, матовой, похожей на кусок обычного обсидиана.

Над сферой стоял Гнилая Сажа. Он не держал ее в руках. Он водил над ней своими обожженными, скрюченными пальцами, и от кончиков его ногтей к сфере тянулись тонкие нити рыжего, болезненного пламени. Это был не огонь. Это была чистая энтропия, распад. Сажа не заряжал сферу. Он ее *чинил*. Или настраивал.

— Какого демона ты здесь делаешь, Воронова? — голос раздался прямо за ее спиной.

Женя не вздрогнула. Она знала, что он там. Она видела его сквозь две стены. Она просто медленно, демонстративно медленно повернулась.

Гнилая Сажа стоял в трех шагах от нее. В полумраке трактира его ожоги казались еще страшнее. В руках он держал короткий мясницкий тесак. Но опасным был не тесак. Опасным был его взгляд. Оба глаза — и бельмо, и здоровый — сейчас светились тусклым багровым светом. Луна сняла блокировку и с него.

— Решила присоединиться к клубу, Сажа? — ровным голосом спросила Женя. Она не стала плести заклинания. Она просто позволила своей тьме стечь с пальцев, собираясь у ног черным туманом. — Места для дам предусмотрены?

Сажа оскалился. — Места предусмотрены для идиотов. Я же сказал тебе в прошлый раз: иди домой. — Я была дома, — Женя сделала шаг вперед. — Там скучно. Расскажи мне про сферу. — Это не сфера, — Сажа перехватил тесак поудобнее. — Это Ключ. — К чему? — К двери, которую барон фон Клейст только что открыл своим горлом.

В этот момент один из сидящих за столом людей — профессор алхимии — издал звук. Низкий, горловой рык. Его тело, до этого вялое, как у марионетки с обрезанными нитями, напряглось. Черные белки глаз медленно начали заполняться нормальным цветом. Но это был не цвет его радужки. Это был цвет запекшейся крови.

Профессор встал. Его суставы затрещали, выворачиваясь под неестественными углами. Он не смотрел на Женю или Сажу. Он смотрел в стену, за которой спал ничего не подозревающий Нижний город.

— Активация, — констатировал Сажа. Он выглядел не испуганным, а раздосадованным, как повар, у которого подгорел ужин. — Луна. Она ускоряет процесс. Мы думали, у нас есть еще три дня.

— Процесс чего? — Женя начала медленно обходить профессора по дуге, стягивая тьму в кастеты. — Сажа, эти люди — пустышки. Если они выйдут на улицу, начнется резня. — Не резня, — поморщился пиромант. — Освобождение.

Профессор алхимии, не меняя выражения лица, шагнул к ближайшему столу, схватил тяжелую дубовую лавку и с легкостью, недоступной человеку, переломил ее о колено. Дерево треснуло с громким хлопком.

Женя поняла, что разговоры закончились. Она ударила первой. Она не стала метать заклинания. В тесном пространстве, среди бочек и столов, любая мощная магия ударит по ней самой. Она сократила дистанцию.

Ее движение было смазанным. Полнолуние увеличило ее скорость втрое. Она оказалась перед профессором за долю секунды. Правый кастет врезался ему в солнечное сплетение.

Эффект был мгновенным. Профессор замер. По его телу прошла волна инея — не физического, а магического. Его аура, только что начавшая наливаться багровым, покрылась черной коркой стазиса.

Но Женя знала, что это ненадолго. Стазис темной магии против этой чужеродной, рваной силы работал как мокрая тряпка на лесном пожаре.

— Ты вмешиваешься в дела богов, девочка! — рявкнул Сажа. Он швырнул в нее тесак.

Обычный человек не успел бы среагировать. Женя не была обычным человеком. Она видела полет клинка сквозь стену. Она просто сделала шаг в сторону, и тесак пролетел мимо, с грохотом вонзившись в бочку. По полу растеклась лужа дешевого вина.

Сажа ударил магией. Он не создавал файерболы. Он ударил чистой тепловой волной. Воздух в трактире мгновенно раскалился. Дерево столов начало тлеть, с потолка посыпалась сажа, а лужа вина от брошенного тесака с шипением испарилась.

Женя приняла удар на теневой щит. Плотная, вязкая тьма выросла перед ней стеной, поглотив жар. Но щит затрещал. Сажа был стихийным бедствием, и его мощь в полнолуние была чудовищной.

— Они не боги! — выкрикнула Женя, перекрывая рев пламени. — Боги не используют Гнилую Сажу в качестве мальчика на побегушках!

Она швырнула в ответ «Копье Праха». Сформированный из уплотненной тьмы и праха мертвых, что спят под фундаментом трактира, снаряд ударил пироманта в плечо. Сажа не упал. Он даже не поморщился. Рана на его плече задымилась, обгоревшие края плоти начали медленно, с пугающей скоростью зарастать новой, красной, воспаленной кожей.

— Ты ничего не знаешь! — прорычал он.

Он ударил снова, но на этот раз не жаром. Он ударил звуком. Низкочастотным гулом, от которого у Жени затрещали кости. Бутылки на полках взорвались, осыпав их стеклянной крошкой. Женя упала на одно колено, зажимая уши. Ее концентрация рухнула. Профессор алхимии за ее спиной взревел — стазис начал отступать.

Она перекатилась по полу, уходя от его удара ногой, который проломил толстую половицу. Трактир превратился в бойню. Сажа наступал, размахивая руками, и каждый его жест порождал вспышки жара или ударные волны. Пробужденные люди — профессор, судья, казначей — медленно приходили в себя, и их движения становились все более резкими, хищными. Они начали крушить трактир, не обращая внимания на магов, словно сбрасывая с себя оковы атрофированных мышц.

Женя поняла, что в прямом столкновении они ее просто задавят массой. Сажа был слишком силен, а его «армия» — слишком неуязвима для обычного оружия.

Ей нужно было закончить это быстро.

Она нырнула под стол, уходя от огненного хлыста Сажи. Ее пальцы нащупали на поясе ампулу со «Слезой Бездны».

— Сажа, — крикнула она, — если твой Ключ сработает, тебе некуда будет возвращаться! Нижний город сгорит дотла! — Пусть горит! — взревел он, пуская в стол струю напалма.

Дерево вспыхнуло. Женя выкатилась из-под горящих обломков прямо под ноги судье.

Судья — тучный, пожилой мужчина — попытался растоптать ее. Женя схватила его за лодыжку, используя инерцию его же замаха, и перекинула через себя. Тучное тело с грохотом врезалось в Сажу, сбив пироманта с ног.

Этого мгновения хватило. Женя зубами вырвала пробку из ампулы. Она не стала кидать ее в Сажу. Она швырнула ее в потолок. Стекло разлетелось вдребезги.

Вспышки не было. Взрыва не было. Просто свет в трактире умер. Газовые рожки на стенах погасли, хотя вентили были открыты. Огонь Сажи, уже лизавший крышу, втянулся сам в себя, оставив после себя лишь холодные угли. Лунный свет из окон перестал существовать.

Наступила абсолютная темнота. Но для Жени это был дом. Она видела. Видела не глазами, а самой сутью. Она видела Сажу, барахтающегося под тяжелой тушей судьи, как сгусток ревущего багрового хаоса. Она видела пробужденных — их черные, пульсирующие ядра теперь светились в темноте, как маяки, делая их идеальными мишенями.

Она видела стилет на поясе Сажи, который тот потерял при падении. Женя перетекла через пространство. В этой тьме она не имела веса. Она возникла за спиной Сажи, который наконец сбросил с себя судью.

Пиромант вскочил, слепо размахивая руками. — Где ты, дрянь?! Я чую твой страх!

— Ты чуешь пепел, — шепнула Женя ему в ухо.

Она ударила.

В правой руке — кастет, замораживающий магию. В левой — стилет из метеоритного железа.

Удар кастетом пришелся в основание шеи, где череп соединялся с позвоночником. Точка концентрации жизненных сил. Багровое пламя внутри Сажи мгновенно погасло. Его аура покрылась толстой коркой льда. Пиромант замер, его глаза — и здоровый, и бельмо — расширились от шока. Он не мог пошевелить даже пальцем. Стазис темной магии в точке абсолютной уязвимости пробил его регенерацию.

Но Женя не остановилась. Она занесла стилет. Метеоритное железо коснулось груди Сажи, прямо над сердцем. Она не стала вгонять его глубоко. Ей не нужна была его смерть. Ей нужно было его отключение. Лезвие вошло в плоть, разрывая не сосуды, а эфирные каналы. Стилет работал как скальпель, вырезающий раковую опухоль из ауры.

Гнилая Сажа рухнул на колени. Из его рта хлынула черная пена. Его внутренний огонь, его проклятие, его дар — все это сейчас выжигалось чистым антимাগическим резонансом железа. Он упал лицом вниз и затих.

Женя выдернула стилет. Она обернулась к пробужденным. Профессор, судья, казначей — они стояли посреди разгромленного трактира. Черные ядра в их груди пульсировали. Они не обращали внимания на темноту. Они начали медленно поворачивать головы в сторону Жени.

Их было слишком много. И они восстанавливались быстрее, чем она могла их замораживать. Женя посмотрела на алтарь. На сферу-Ключ. И на тело барона фон Клейста, лежащее рядом. Она поняла, как это работает. Сажа не создавал этих кукол. Он просто активировал то, что в них уже было. Барон фон Клейст не просто открыл дверь. Он *привил* тот вирус. Каждый из этих мужчин — купец, судья, атташе — посещал «Пьяную селедку» в последние недели. Каждый из них контактировал с бароном. Рукопожатие. Обмен бумагами. Случайный толчок в дверях.

Барон был нулевым пациентом. А сфера — катализатором, который запускал процесс при свете луны. Если она убьет пробужденных, их пустые тела просто станут новыми ретрансляторами. Вирус распространится по эфиру.

Нужно было бить в источник. Женя рванулась к алтарю. Один из пробужденных — огромный грузчик с татуировкой якоря — преградил ей путь. Он взревел и ударил огромным кулаком.

Женя не стала блокировать. Она приняла удар на плечо, позволив инерции пронести ее дальше. Кастет на ее правой руке вспыхнул черным светом. Она впечатала его в колено грузчика. Хруст ломаемой кости утонул в треске темного стазиса. Нога грузчика подломилась, но он даже не упал — он пополз к ней на руках, волоча за собой обездвиженную конечность.

Женя перепрыгнула через него. Она достигла алтаря.

Сфера лежала в дюйме от бледной руки барона. Женя протянула к ней руку, готовая накрыть тьмой, раздавить, уничтожить.

— Не смей, — раздался хриплый голос.

Женя обернулась.

Гнилая Сажа стоял на ногах. Его лицо было пепельно-серым, лишенным своего обычного багрового румянца. Из раны в груди, куда вошел стилет, все еще сочились черная жижa, но она не текла на пол — она испарялась. Он восстанавливался. Медленно, мучительно, но восстанавливался. Метеоритное железо отсекло его от источника силы, но не убило.

— Если ты разобьешь Ключ, пока они подключены, — Сажа кивнул на пробужденных, — их мозги просто вытекут через уши. Ты убьешь половину городской элиты. Канцелярия тебе этого не простит. Они спишут тебя в утиль вместе с нами.

— Мне плевать на Канцелярию, — процедила Женя. — А мне плевать на них, — Сажа усмехнулся, обнажив гнилые зубы. — Но мне не плевать на то, *зачем* это нужно.

Он тяжело шагнул вперед. Пробужденные расступались перед ним, словно чувствуя, что хозяин вернулся.

— Ты думаешь, это вторжение? — Сажа закашлялся, сплюнув сажу. — Думаешь, Старые Боги хотят нас сожрать? Глупая девчонка. Они хотят нас *исцелить*. — Исцелить?! — Женя кивнула на судью, который с хрустом вправил себе вывихнутое плечо одной рукой. — Это похоже на исцеление? — Это похоже на рождение! — рявкнул Сажа. — Ты посмотри на них! Купец, который разорился и собирался пустить пулю в лоб. Судья, который берет взятки и спит с малолетками. Барон, который продал бы родину за новую лошадь. Они гниют изнутри, Женя. Их души — это выгребная яма. Старые Боги просто... выкачивают эту грязь. Оставляют чистый сосуд.

— Сосуд для чего? — спросила Женя, не убирая руки от сферы. — Для порядка, — серьезно ответил Сажа. — Для того, чего в этом городе нет уже сто лет. Мы погрязли в коррупции, в лжи, в слабости. На границах собираются орды, а наши генералы думают только о том, как бы украсть из бюджета на сапоги. Старые Боги дают нам армию. Армию, которая не спит, не ест, не предает и не боится смерти.

Женя посмотрела на черные ядра в груди пробужденных. Сажа не врал. По крайней мере, верил в то, что говорил. Это не было безумием разрушения. Это было безумие фанатичного очищения.

— Ты просто дешевый мясник, Сажа, — сказала она. — Тебе дали красивую идею, чтобы ты согласился нажимать на спусковой крючок. — А тебе просто страшно, что мир изменится! — взревел он. — Ты любишь свою тьму, потому что она делает тебя особенной! А что ты будешь делать, когда тьма станет нормой?!

Он бросился на нее. На этот раз он не использовал магию. Он использовал свою массу, свою ярость и свои кулаки. Сажа врезался в нее, как таран. Они рухнули на пол, прямо на барона. Сажа схватил ее за горло. Его пальцы, обожженные до костей, обладали силой гидравлических клещей. Женя захрипела. Ее пальцы разжались. Стиллет выпал и со звоном покатился по каменному полу. Воздух перестал поступать в легкие. Перед глазами поплыли крас-

ные круги. Она ударила его в лицо свободной рукой. Обычный удар. Без магии. Костяшки пальцев врезались в распухшее, покрытое струпьями лицо.

Сажа даже не моргнул.

— Добро пожаловать в новый мир, Воронова, — прохрипел он, наклоняясь ниже. Его дыхание пахло могилой.

В этот момент Женя, задышав, из последних сил потянулась к своей силе. Не к той, что в ампулах. К той, что жила в самой грязи этого трактира. Тьма любит отчаяние. А в «Пьяной селедке» его было навалом. Она вобрала в себя тени из-под половиц, прах из щелей в стенах, страх пробужденных, ярость Сажи. Она свернула это в одну точку — в свое левое предплечье, которым она упиралась в грудь пироманта.

Ее рука вспыхнула не огнем. Она вспыхнула абсолютным, визуальным отсутствием света. Черная дыра размером с кулак. Женя впечатала эту руку в грудь Сажи, прямо поверх незаживающей раны от стилета. Пиромант отлетел от нее, как от удара пушкой. Его тело впечаталось в каменную стену.

Женя судорожно вдохнула. Воздух ворвался в легкие с болью битого стекла.

Сажа сполз по стене. Он был жив. Но черная дыра, которую она оставила в его груди, не затягивалась. Она пульсировала, втягивая в себя пыль и свет. Она пожирала его магию восстановления. Женя подняла взгляд.

Пробужденные стояли неподвижно. Их черные ядра мигнули. И начали гаснуть. Сфера-Ключ на алтаре треснула. По ее обсидиановой поверхности пошла паутина тонких белых линий, похожих на морозный узор.

Связь разорвалась. Женя, пошатываясь, подошла к алтарю. Она накрыла треснувшую сферу своим плащом, впитывая остатки опасной энергии. Пробужденные начали падать. Один за другим. Грузчик с якорем рухнул, наконец-то потеряв сознание. Судья осел на пол бесформенной грудой. Профессор алхимии свернулся калачиком, как младенец.

Они были живы. Их сердца бились. Но черные ядра исчезли. В их глазах, когда они закатывались, не было больше чужого багрового огня. Только пустота глубокого обморока. Женя посмотрела на свои руки. Они дрожали. Полнолуние отступало, оставляя после себя лишь выжатую пустоту и ломоту в костях.

Она подошла к Саже. Тот сидел у стены, глядя на черную воронку в своей груди.

— Ты сломала меня, — тихо сказал он. — Я дала тебе шанс, — ответила Женя. — Когда луна уйдет, дыра закроется. Ты останешься просто пиромантом. Слабым, обожженным, но живым. Попробуешь снова сыграть в пророка — я вернусь. И в следующий раз я не буду бить в грудь.

Она развернулась. На востоке, над крышами Нижнего города, небо начало сереть. Полнолуние закончилось. Женя вышла из «Пьяной селедки» под первые капли утреннего дождя. Она вытащила из кармана серебряный жетон частного детектива. Посмотрела на него. Завтра баронесса фон Клейст получит отчет. Там будет написано, что ее муж нашел утешение в бутылке и умер от разрыва сердца в дешевом трактире.

Женя размахнулась и швырнула жетон в сточную канаву. Она больше не была частным детективом. Частные детективы ищут неверных супругов. А она только что обнаружила, что Столицей — и, возможно, всем миром — пытаются управлять через удаленный доступ, вырезая людям души. И тот, кто это делает, обладает силой, перед которой Гнилая Сажа — лишь жалкая искра.

Она запахнула плащ и растворилась в предрассветном тумане. Война только начиналась.

Глава 3. Заказ леди Изабеллы

Дождь, начавшийся на рассвете, к полудню превратился в липкую, холодную взвесь, которая оседала на лице невидимой грязью. Столицу лихорадило. После событий в «Пьяной селедке» городская стража оцепила Нижний город, но делала это вяло, без привычной жестокости. Офицеры патрулей отводили глаза, а их ауры пульсировали глухим, животным страхом. Слухи расплзались быстрее чумы. Говорили о проклятии, о пробуждении древних алтарей под фундаментом города, о том, что в катакомбах теперь живут люди без лиц.

Женя не читала газет. Она чувствовала изменения кожей.

Ее контора на Серебряной улице встретила ее запахом сырой штукатурки и озона. Полнолуние выжгло защитные контуры, которые она рисовала над дверным косяком. Пришлось потратить час, смешивая толченый базальт, кровь летучей мыши и каплю собственной силы, чтобы восстановить периметр. Теперь по периметру двери змеилась тонкая, едва заметная нить тьмы. Любой, кто попытается войти без приглашения, получит не просто ожог — он получит короткое, но крайне познавательное путешествие по ее личным кошмарам.

Денег не было. Золотой запас таял быстрее, чем снег в аду. Заказ баронессы фон Клейст был аннулирован — та, узнав о смерти мужа, не только отказалась платить остаток, но и прислала адвоката с угрозами судебного иска за «превышение полномочий и доведение до самоубийства». Женя порвала претензию на мелкие клочки и сожгла их в пепельнице.

Она сидела за столом, глядя на пустой стакан, когда колокольчик над дверью издал резкий, дребезжащий звон.

Защита не сработала. Нить тьмы у порога даже не шелохнулась. Это означало, что вошедший либо не имел злого умысла, либо его сила была настолько велика, что ее контуры казались ему детской забавой.

Женя медленно положила руку на рукоять стилета под столешницей. Дверь в ее кабинет открылась без стука.

На пороге стояла женщина. Она была одета в глубокий траур. Платье из плотного бомбазина, лишённое каких-либо украшений, кружев или лент, идеально скрадывало фигуру, превращая ее в строгий, скорбящий монумент. Вдовий чепец из черного крепа полностью скрывал волосы, оставляя открытым только лицо.

И это лицо было пугающе красивым. Не той смазливой, кукольной красотой салонных барышень, а классической, холодной красотой старинного мрамора. Высокие скулы, идеально прямой нос, бледная кожа, которая, казалось, никогда не знала солнечного света. Но главным были глаза. Огромные, темно-карие, почти черные, они занимали половину лица. В них стояла такая бездна вековой усталости, что Женя, повидавшая на своем веку и безумных магов, и запятанных до потери человеческого облика людей, невольно выпрямилась в кресле.

Женщина сделала два шага внутрь. От нее пахло не дешевыми духами, а дорогим, горьким алоэ, воском для печатей и... озоном. Тем самым запахом, который остается в воздухе после удара молнии.

— Госпожа Воронова? — голос у нее был тихий, бархатный, с легкой, едва уловимой хрипотцой. — Меня зовут леди Изабелла ди Фальконе.

Женя мысленно выругалась. Фальконе. Графский род. Один из древнейших в Столице. Люди, которые владеют не просто землями, а целыми секторами городской экономики. И судя по тому, как легко она вошла через ее защиту, леди Изабелла владела еще и магией. Причем магией старой школы, основанной на чистой воле и стихиях.

— Садитесь, леди, — Женя кивнула на кресло для посетителей. — Хотите выпить? У меня есть бренди. Дешевый, но крепкий.

Изабелла позволила себе тень улыбки. — Благодарю. Я не пью на работе. А сейчас у меня работа. Она села. Спина прямая, руки в тонких черных перчатках сложены на коленях.

— Я здесь не как графиня, — начала она, глядя Жене прямо в глаза. — Я здесь как женщина, чей муж лжет ей. — Это стоит пятьдесят золотых, — перебила Женья. — Половина вперед. Я нахожу вашего капитана в борделе, на игорном столе или в канаве, делаю пиктограммы, вы плачете, я плачу по счетам. Стандартная процедура.

— Мой муж не ходит в бордели, — ровно ответила Изабелла. — Мой муж — капитан Первой когорты Личной гвардии Герцога. Его зовут Артур ди Фальконе. Возможно, вы слышали о нем. Его прозвище — Камень.

Женья слышала. Капитан Камень был легендой Столицы. Человек, который лично возглавлял подавление Восстания Пяти Гильдий пять лет назад. Говорили, что он приказал залить горящие кварталы алхимическим напалмом вместе с бунтовщиками и запертыми там семьями, потому что «огонь перекидывался на богатые районы». Он был жесток, эффективен и абсолютно предан Короне.

— Мужчины с прозвищами «Камень» обычно либо бьют жен, либо хранят секреты, — сказала Женья. — Вы хотите, чтобы я нашла его альпийскую горничную? — Я хочу, чтобы вы нашли то, что заставляет его улыбаться, — Изабелла чуть подалась вперед. — Каждую пятницу, ровно в семь вечера, он говорит, что заступает на усиленное дежурство в Цитадели. Он возвращается в воскресенье утром. От него пахнет дождем, костром и дешевым табаком, которого не бывает в офицерских казармах. Он трезв. И он счастлив.

Женья склонила голову набок. Счастливый капитан Камень. Это звучало как начало очень скверной шутки. — И в чем проблема? Большинство женщин в Столице отдали бы половину состояния, чтобы их муж-камень просто перестал бить посуду по вечерам. — Проблема в том, — голос Изабеллы стал ледяным, — что мой муж — это механизм. Оружие. У оружия не бывает счастья. У него бывает только смазка и чистка ствола. Если он нашел что-то, что делает его счастливым, это значит, что он нашел уязвимость. А уязвимый капитан гвардии — это угроза безопасности государства.

Она положила на стол тяжелый бархатный мешочек. Он звякнул с приятным, глубоким звуком. — Здесь сто золотых. Аванс.

Женья не притронулась к деньгам. — Леди Изабелла, — медленно произнесла она. — Я не работаю на знать. После дела с бароном фон Клейстом я поняла, что ваши семейные тайны — это обычно верхушка айсберга, под которым прячется либо государственная измена, либо жертвоприношение. Если я возьму ваш заказ и найду, что ваш муж строит в подвале личный алтарь Старым Богам, я не принесу вам пиктограммы. Я передам его в Канцелярию. Вместе с вами, как соучастницей сокрытия.

Изабелла не моргнула. — Справедливо. Но если вы найдете, что мой муж просто нашел себе вдовушку с хорошим самогоном в деревне за Восточными воротами, я хочу знать об этом немедленно. Цена правды всегда высока, госпожа Воронова. Я готова ее платить.

— У вас есть его вещи? — Женья наконец взяла мешочек и убрала его в ящик стола. Звяк монет был единственным звуком в повисшей тишине. — Вот.

Изабелла сняла правую перчатку. Под ней оказалась кисть, такая же идеальная, как и лицо. Она положила на стол серебряные карманные часы на тяжелой цепочке. — Он забыл их сегодня на умывальнике. Второпях.

Женья взяла часы. Холодный металл. На крышке — гравировка: «Служу и защищаю. Герцог». Внутри, на механизме, не было пыли. Капитан Камень был педантом.

Она закрыла глаза и приложила часы к виску. Поиск по вещи — это не то же самое, что поиск по памяти. Вещь хранит эхо прикосновений, запахи, температуру. Это карта последних часов жизни предмета.

Женья нырнула в хронологию часов.

...Утро. Запах мыла для бритвы. Легкая вибрация — капитан прицепил их к поясу. ... Полдень. Жар. Часы лежали на каминной полке в его кабинете в Цитадели. ...Пять вечера. Резкий запах озона и озона — кто-то применил магию порталов неподалеку. ...Семь вечера. Часы сняты с цепочки и положены на влажное дерево. Стол. Трактирный стол. Запах кислого пива, жареного лука и... озона. Снова. Но теперь это не остаточный след магии. Это фон.

Женя открыла глаза. — Он в Нижнем городе. В месте, которое он считает безопасным. Там фонит магией. Не темной, как у меня. Скорее... грозовой. Резкой.

— Воздушная гильдия? — предположила Изабелла. — У него нет связей с магами. — Это не гильдейская магия, — покачала головой Женя. — Это дикая. Как шаровая молния, которую научили сидеть на поводке.

Она встала. — Мне понадобится время. И экипаж. Капитан Камень не похож на человека, которого можно выследить, прячась по крышам. Он чувствует взгляд спиной. — Экипаж ждет внизу, — кивнула Изабелла. — Возок без гербов. Кучер немой. — Разумно, — Женя набросила на плечи свой плащ. Тот охотно откликнулся, становясь на пару тонов темнее. — Я поеду одна. Если вы сунетесь за мной, он вас учует. Ждите здесь. Или поезжайте домой. Я найду вас, когда у меня будет что-то, кроме подозрений.

Леди Изабелла встала. Она оказалась почти одного роста с Женей. — Госпожа Воронова, — сказала она, уже стоя в дверях. — Мой муж хороший человек. Он просто... сломался на службе. Если вы найдете ту, кто чинит его, не будьте к ней слишком жестоки. Иногда людям просто нужно место, где их не считают оружием.

Она ушла, оставив после себя запах алоэ и звенящую тишину.

Женя спустилась вниз. Возок действительно был неприметным — старая, обитая жестью коробка на колесах, запряженная уставшей пегой лошастью. Кучер, огромный детина с перебитым носом, даже не повернул головы, когда она села.

Они тронулись. Женя смотрела в узкую щель между шторками. Город проносился мимо — серый, мокрый, враждебный. Она думала о словах Изабеллы. «Место, где их не считают оружием».

Экипаж остановился в двух кварталах от «Пьяной селедки». — Дальше пешком, — глухо пробасил кучер. — Лошадь там не пройдет, слишком грязно.

Женя прыгнула в лужу. Она решила сменить тактику. После «Селедки» она знала, что в Нижнем городе появились глаза, которые видят сквозь ее тьму. Нужна была другая маска. Она подошла к торговке жареными каштанами. Пожилая, беззубая женщина куталась в рваное пальто. — Почему? — спросила Женя. — Медяк за горсть, — буркнула торговка. Женя бросила ей серебряный четвертак. — Сдачи не надо. И дай мне свою корзину. И пальто.

Старуха вцепилась в монету так, что костяшки побелели. Она посмотрела на Женю, потом на ее дорогой, хоть и потертый плащ, и без слов начала стаскивать с себя засаленное пальто. Женя сняла свой плащ-тьму, свернула его в тугой узел и спрятала в сумку. Под ним оказалось простое, но крепкое платье из темной шерсти. Она накинула пальто торговли — оно воняло дегтем, кислятиной и мокрой псиной.

Она взяла плетеную корзину, накинула на голову капюшон пальто и сторбилась, тяжело опираясь на воображаемую клюку. Превращение было полным. Маг тьмы исчез. По улице ковыляла уставшая, злая на весь мир торговка, пришедшая забрать непроданный товар у своей менее удачливой товарки. Женя шла медленно, приволакивая ногу. Нижний город жил своей жизнью. Дети гоняли обруч, какой-то пьяница мочился прямо на стену, две женщины ссорились из-за украденной моркови. Никто не обращал на нее внимания. Она была частью пейзажа.

Она шла по запаху. Запах костра и дешевого табака, который описывала Изабелла, был слишком специфичен. Женя втягивала ноздрями воздух, отсеивая вонь выгребных ям и жареной рыбы. Она нашла его в переулке за старой бойней.

Здесь не было вывески. Был только узкий лаз между кирпичной стеной скотобойни и фасадом закрытой сапожной мастерской. Женя остановилась в тени, делая вид, что перевязывает шнурок на стоптанном башмаке.

Из лаза доносились голоса.

— ...сдвинь левее, идиот! Ты так полквартала на воздух поднимешь! — голос был женским. Низкий, с командирскими интонациями, привыкший перекрывать шум битвы. — Анна, если ты еще раз назовешь меня идиотом, я уроню тебе лед на капюшон, — ответил мужской голос. Спокойный, глубокий. Женя узнала его. Это был голос капитана Артура ди Фальконе. Но в нем не было стали. В нем была... усталость и бесконечное терпение.

Женя рискнула. Она позволила крошечной частичке своей тьмы вытечь из-под капюшона, формируя едва заметный, прозрачный шуп. Он скользнул по кирпичной кладке, просочился сквозь щели. То, что она увидела внутри, заставило ее замереть. Это был не подвал. Это была целая сеть катакомб — старые ледники, которые использовали еще до того, как в Столицу провели акведуки. Высокие сводчатые потолки, покрытые изморозью.

В центре зала, прямо на льду, стоял Артур ди Фальконе. Без мундира, в одной нательной рубахе, закатанной по локоть. Он был огромен. Широкоплечий, покрытый шрамами, с руками, способными гнуть подковы. А перед ним, оперев руки в бока, стояла Анна.

Женя видела ее только со спины. Длинная, тяжелая шуба из чернобурки была распахнута. Под ней — практичные кожаные штаны и высокие сапоги. Волосы, цвета которых Женя не видела, были убраны под плотный шерстяной платок.

— Ты опять тянешь поток из земли, — Анна ткнула пальцем в пол. — Ты понимаешь, что если ты так сделаешь под Северной башней, она просто сложится внутрь? Лед — это не вода, Артур. Лед — это кристалл. Ты его рвешь. — Я пытаюсь почувствовать структуру, — виновато пробасил капитан. — В Цитадели меня учили, что любую преграду нужно ломать. — Тебя учили быть тупым топором! — Анна развернулась.

Женя увидела ее лицо.

Ей было около тридцати. Резкие, почти мужские черты, обветренная кожа, тонкий шрам, пересекающий левую бровь. Но глаза... Глаза у нее были невероятного, прозрачно-голубого цвета. Цвета чистого зимнего неба. И в них плясали смешинки.

— Дай сюда, — она шагнула к нему.

Анна взяла его огромную, грубую ладонь в свои. — Расслабь кисть. Ты держишь магию, как эфес меча. Она не хочет тебя убивать. Она просто хочет спать.

Капитан подчинился. Он закрыл глаза. Анна положила свою вторую ладонь на его грудь, прямо над сердцем. Женя видела это своим истинным зрением даже сквозь стену.

Из кончиков пальцев Анны потекла магия. Но это не было ни тьмой Жени, ни грозovým хаосом Сажи. Это была магия абсолютного нуля. Холод, который не просто замораживал — он упорядочивал. Он успокаивал мечущиеся частицы эфира в теле капитана.

Лед под их ногами начал петь. Тонкий, хрустальный звон, который Женя чувствовала подошвами стоп. Анна что-то шептала. Не заклинание — мелодию.

Артур ди Фальконе, капитан Камень, человек, который лично вешал мятежников на воротах, вдруг улыбнулся. Той самой счастливой, расслабленной улыбкой, о которой говорила его жена.

— Вот так, — сказала Анна, убирая руки. — Видишь? Лед не сопротивляется. Он просто... есть. — Ты чудо, — тихо сказал Артур, открывая глаза. — Я — твоё наказание, — фыркнула она, отстраняясь. — И если ты еще раз попытаешься заморозить мой перегонный куб, я превращу твои сапоги в ледяные колодки.

Она подошла к столу в углу. На столе стоял медный змеевик, колбы и бутылки с мутной жидкостью. — Самогон на кедровых орешках, — пояснила она, поймав взгляд капитана. — Старая семейная технология. — Изабелла знает? — спросил Артур, принимая от нее оловянный

ную кружку. — Твоя жена знает, что каждую пятницу ты превращаешься из цепного пса Герцога в человека, — Анна серьезно посмотрела на него. — Она умнее, чем ты думаешь, Артур. Она просто ждет, когда ты сам себе это позволишь.

У Жени свело скулы. Она стояла в вонючем переулке, сжимая в руках корзину с остывшими каштанами, и чувствовала себя абсолютной идиоткой. Это не было государственной изменой. Это не было культом Старых Богов. Это не было даже банальной изменой. Это была терапия.

Капитан Камень, человек, на котором держалась половина военной мощи Столицы, раз в неделю сбегал от политики, интриг и крови в ледяные пещеры к ледяной ведьме, чтобы та вправляла ему магические вывихи и поила самогоном.

Женя отступила от стены. Она узнала все, что нужно.

Она попятилась, развернулась, чтобы уйти, и нос к носу столкнулась с мальчишкой-оборванцем. Он стоял так близко, что Женя видела вшей в его сальных волосах. В руках он сжимал рогатку. — Тетя, — прошепелявил он, — а чего ты тут подслушиваешь? Дядька Рыбак сказал, следить за теми, кто в плащах ходит. Сказал, в «Селедке» из-за таких вся магия скисла.

Сердце Жени пропустило удар. Дядька Рыбак. Она знала его. Держатель притона, шестерка Гнилой Сажи. Она не стала доставать кинжал. Она просто посмотрела на него. Она позволила капюшону спастись. Но не показала свое лицо. Вместо него мальчишка увидел клубящуюся, влажную, пахнущую могилой тьму. Женя не стала плести заклинания. Она просто «показала» ему свой дар.

Мальчишка открыл рот, чтобы заорать. Но звука не вышло. Тьма заполнила его легкие, превратив крик в беззвучное сипение. Он выронил рогатку, его глаза закатились, и он осел в грязный снег, погрузившись в глубокий, целительный обморок. Женя перешагнула через него и быстрым шагом, уже не хромя, пошла прочь.

Она вернулась к экипажу через двадцать минут. Села внутрь, содрала с себя вонючее пальто торговли и швырнула его на пол. — В контору, — бросила она кучеру. В возке было тесно и пахло лошадьё. Женя закрыла глаза.

Картина в ледяной пещере не шла из головы. Сила Анны. Это была не просто стихийная магия. Это была магия контроля. Там, где Женя предлагала миру свою пустоту и он в ужасе отступал, Анна предлагала миру свою структуру, и мир замирал в восхищении.

«Старая семейная технология».

Женя достала из сумки часы капитана. Снова открыла крышку. Она смотрела на гравировку. «Служу и защищаю». Изабелла знала. Конечно, она знала. Леди Изабелла ди Фальконе не была наивной брошенной женой. Она была стратегом. Она отправила Женю — мага тьмы, известного своей жесткостью и связями с самым дном Столицы — не для того, чтобы найти мужа. Она сделала это, чтобы проверить, насколько далеко зашел Артур. Не спит ли он с Анной? Не проматывает ли деньги? Не готовит ли переворот?

Женя нашла ответы. И теперь ей предстояло самое сложное. Назвать цену. Когда экипаж остановился у ее конторы, уже смеркалось. Дождь кончился, но туман стал еще гуще, превращая фонари в размытые желтые пятна.

Женя вошла внутрь. Сбросила сумку на пол. Налила себе бренди. Руки все еще слегка дрожали — не от страха, а от переизбытка силы. Полнолуние ушло, но эхо его мощи все еще гуляло в ее крови, реагируя на магию Анны, которую она «взяла пробой» через стену.

Колокольчик над дверью звякнул. Женя не обернулась. — Садитесь, леди. Я бы предложила вам выпить, но вы не пьете на работе.

Изабелла вошла бесшумно. Она сняла траурный чепец. Ее волосы оказались цвета воронова крыла, стянутые в тугую, строгий узел на затылке. Без чепца она выглядела моложе и... опаснее.

— Ну как? — спросила она, садясь в кресло.

Женя долго молчала, глядя на игру света в стекле стакана. — Ваш муж в безопасности, — наконец сказала она. — И он верен вам. До последнего вздоха.

Изабелла выдохнула. Плечи, которые были напряжены, как струны, слегка опустились. — Слава Герцогу. Я боялась, что он связался с кем-то из этих... новых культистов. После того, что случилось в «Селедке», я не сплю уже третьи сутки. — Он связался с ведьмой, — ровным голосом продолжила Женя. — Но не с той, что приносит жертвы. С ледяной.

Женя пересказала ей все. Катакомбы. Лед. Самогон. Попытки капитана управлять стихией и то, как Анна его «чинила». Она не упустила ни одной детали, включая то, как Артур держит магию «как эфес меча».

Когда она закончила, в кабинете повисла тишина.

— Анна, — тихо повторила Изабелла. — Анна... Морозова? — Я не знаю ее фамилии, — пожала плечами Женя. — Но она сильна. Сильнее, чем я думала. Она держит структуру льда в катакомбах, которые должны были обрушиться еще при прадеде нынешнего Герцога.

Изабелла встала. Прошлась по кабинету. Остановилась у карты Столицы на стене. — Ледяные пещеры под бойней... — она коснулась пальцем точки на карте. — Это же в десяти минутах от Цитадели. — Он ходит туда пешком, — кивнула Женя. — Через коллекторы.

Изабелла резко развернулась. — Сколько я вам должна, госпожа Воронова?

Женя взяла со стола бархатный мешочек с авансом и взвесила его в руке. — Сто золотых были авансом за поиск. — Я знаю расценки, — голос Изабеллы снова стал жестким, как сталь. — За подтверждение верности обычно платят столько же. Итого двести.

— Я не беру деньги за подтверждение верности, леди, — Женя положила мешочек обратно. — Я беру деньги за решение проблем. — У меня нет проблем, — отрезала Изабелла. — Мой муж жив, здоров и не предает меня. — У вас есть муж, который пытается управлять магией, способной обрушить Цитадель, — Женя наклонилась вперед. — У вас есть ледяная ведьма, которая живет в катакомбах и поит капитана первой гвардии самогоном. И у вас есть Гнилая Сажа, который на днях чуть не поднял на воздух Нижний город. Магия проснулась, леди Изабелла. Она лезет из всех щелей. Ваш муж — не единственный.

Изабелла замерла. Она поняла. — Вы думаете, это сеть? — Я думаю, что кто-то собирает «сломанных» людей, — медленно произнесла Женя. — Сильных людей. Офицеров, судей, казначеев. Людей, которые держат Столицу на своих плечах. Кто-то дает им выход. Место, где они могут сбросить броню. И этот кто-то дает им магию. — Анна... — прошептала Изабелла. — Она не похожа на... — Она похожа на талантливого практика, — перебила Женя. — Но она не похожа на главу заговора. Она — исполнитель. Или такой же «сломанный» человек, который нашел свой способ не сойти с ума.

Женя встала. Подошла к Изабелле. — Я не прошу у вас двести золотых. Я предлагаю вам сделку.

Изабелла вскинула подбородок. Глаза цвета ночи опасно сузились. — Я не торгую своим мужем, госпожа Воронова. — А я не торгую информацией, — парировала Женя. — Я предлагаю вам охрану.

— У него есть охрана. Целая рота Легиона. — Ваша рота Легиона охраняет его от ножей и арбалетных болтов, — Женя ткнула пальцем в грудь Изабеллы. — А я буду охранять его от него самого. И от той тьмы, что поднимается из-под земли.

Женя достала из ящика стола свой жетон частного детектива. Тот самый, который она хотела выбросить. — Я официально становлюсь вашим... консультантом по вопросам безопасности. Моя задача — следить, чтобы ваш муж не обрушил Цитадель, пытаясь заморозить бокал с вином. И чтобы вашу ведьму не нашел кто-то менее... деликатный, чем я. Например, Инквизиция.

Изабелла смотрела на нее долгим, изучающим взглядом. Она оценивала риски. — Вы просите слишком много, Воронова. Вы просите ключ от всех дверей моего дома. — Я прошу

доверие, — кивнула Женя. — Потому что если я увижу, что ваш муж действительно строит алтарь, я не приду к вам. Я просто убью его. Быстро. И вы никогда не узнаете, где его могила. Это цена моей работы. Я не служу. Я решаю.

Изабелла подошла к столу. Она открыла ящик и достала оттуда чистый лист пергамента, чернильницу и перо. — Консультант по безопасности, — задумчиво повторила она, макая перо. — С правом неограниченного доступа к объекту и его окружению. С окладом... — она на секунду замерла, — триста золотых в месяц.

Женя удивленно моргнула. Триста. Это было в три раза больше, чем она когда-либо получала за одно дело. — Вы щедры, — только и смогла сказать она. — Я покупаю лояльность, госпожа Воронова, — Изабелла начала писать размашистым, уверенным почерком. — А лояльный маг тьмы стоит дороже, чем наемная рота. К тому же, — она не поднимая глаз от бумаги, — мне спокойнее знать, что рядом с Артуром будет человек, который понимает, что такое сидеть в темноте и разговаривать с бездной.

Она закончила писать. Присыпала бумагу песком, сдула его и протянула пергамент Жене. — Контракт. Стандартный. Плюс дополнение о неразглашении.

Женя пробежала глазами текст. Юридические формулировки были безупречны. Изабелла ди Фальконе умела защищаться.

— У меня есть условие, — сказала Женя, не подписывая. — Какое? — Я хочу встретиться с Анной. Официально. Как ваш консультант.

Изабелла подняла бровь. — Зачем? — Затем, что ваш муж — маг-самоучка с силой землетрясения. И если он однажды не рассчитает силу, ваши катакомбы станут его склепом. Я могу научить его контролировать тьму. Она может научить его контролировать лед. Если мы не объединим усилия, вы очень скоро можете стать графиней-вдовой.

Изабелла долго смотрела на нее. Затем медленно кивнула. — В следующую пятницу. В семь вечера. Я привезу вас к входу в коллекторы. Дальше пойдете сами. Она забрала подписанный контракт, оставив на столе второй экземпляр для Жени. — Добро пожаловать в семью, госпожа Воронова.

Когда Изабелла ушла, Женя долго сидела в тишине. Триста золотых. Официальный контракт. Защита интересов одного из самых могущественных родов.

Она посмотрела на свою руку. На черный камень кольца. Изабелла была права. Женя знала, что такое сидеть в темноте. Но она также знала, что тьма и лед, встретившись, рожают не пар. Они рожают хрупкость. И если Артур ди Фальконе не научится держать равновесие, он похоронит их всех под толщей замерзшей грязи.

Женя убрала контракт в сейф. Налила себе еще бренди. Пятница была через четыре дня. Целая вечность для того, чтобы подготовиться к встрече с женщиной, которая украла сердце капитана Камня с помощью ледяного перегонного куба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.